

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а напротив, одни приятные: тайны, загадки, погоня, перестрелки, любовь опять же. И — главное! — чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская — непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас — читателей — по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь — и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива — здесь в самый раз всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

Продумано все было тщательно, он готовил операцию несколько месяцев. Помешала случайность. Винить в этом было некого, разве что судьбу, и он никого не винил.

Он только понимал, что действовать теперь нужно быстро и решительно и ни в коем случае не выпускать ситуацию из-под контроля.

Он был готов к решительным действиям.

30 января, понедельник

На работе Власта переставала себя жалеть. Такой нагрузки, как в районной поликлинике, конечно, не было, но и свободной минуты не находилось. Работа в престижной клинике, в которую ей год назад удалось устроиться, требовала большого напряжения сил. Больные сюда приходили капризные, но Власта их хорошо понимала. За те деньги, которые стоили ее консультации, пациенты имели полное право на капризы.

Последняя больная, семидесятилетняя дама с массивными браслетами на обеих руках, явилась уже в третий раз. Власта могла себя похвалить, она

подобрала даме хороший курс, старушка ходила заметно легче и была довольна и собой, и доктором.

Прощально улыбнувшись пациентке, Власта посидела, сжав виски. Голова не то чтобы болела, но была тяжелой, мутной, как будто с уходом последней больной Власта мгновенно окунулась в другую реальность. В другой реальности ей не хотелось улыбаться. В другой реальности время не двигалось. Власта предчувствовала, что никогда больше не увидит Мишу, и от этого не хотелось жить.

Жить приходилось. Она тряхнула головой, достала из сумки телефон. Пропущенных вызовов не было. Это плохо, утром звонила Лиза, обрадовала, что вечером заедет, а Власте совсем не хотелось видеть невестку.

Невестку нужно было утешать, а Власте хотелось, чтобы кто-нибудь утешил ее.

Она напрасно надеялась, что невестка перезвонит и откажется от встречи.

Бросив телефон в сумку, Власта переделалась, заперла кабинет, перекинулась парой слов с сидевшей на рецепции администратором Миланой и вышла на заснеженную улицу.

Снег шел с самого утра. Если бы Власта задержалась еще на несколько часов, машину пришлось бы откапывать.

Из-за снега дорога заняла больше времени, чем обычно. Когда она подходила к подъезду, уже смеркалось.

Оттого, что должна приехать Лиза, и поэтому нельзя лечь в горячую ванну, а потом валяться на диване, вытирая слезинки и мечтая, чтобы жизнь

стала прежней, плохое настроение превращалось в отвратительное.

Власта понимала, что ведет себя как законченная эгоистка.

Лизе хуже. Лиза потеряла ребенка, а она, Власта, в общем-то ничего не потеряла. Она всего-навсего год не видела мужа.

От машины до подъезда было всего несколько шагов, но мех на капюшоне куртки успел покрыться снегом. Власта зло отряхнула куртку, повесила на вешалку. Переобулась в пушистые тапочки, пройдя в кухню, постояла у окна.

В прошлом году под окном установили фонарь. Он красиво освещал заснеженные ветви растущих под окном деревьев. В прошлом году Власта зимним пейзажем под окном восхищалась. Сейчас пушистые ветви не вызывали ничего, кроме тоски.

Власта задернула занавеску, включила чайник. От скуки выпила чашку чая.

Лиза обещала приехать в шесть, но не появилась ни в семь, ни в девять.

В половине десятого злая Власта ей позвонила. Невестка не ответила. После смерти сына невестка сильно злоупотребляла спиртным, но такого, чтобы заставить Власту несколько часов ее ждать, все-таки не допускала.

Но все когда-нибудь случается в первый раз.

Власта наконец-то отправилась в ванную, легла в горячую, с пеной, воду.

Если сейчас раздастся звонок в дверь, она не будет вылезать из воды. Лизе придется обойтись без ее утешений.

В дверь никто не позвонил.

31 января, вторник

По утрам было хуже всего. Просыпаясь, Антон вспоминал, что скоро с очень большой вероятностью станет нищим, скрипел зубами и мечтал швырнуть что-нибудь в стену.

Подскакивала Варька, чудом угадывающая его настроение, начинала щебетать, звала завтракать. Злость постепенно проходила, сменялась надеждой, что ситуация как-то выправится.

Сейчас было так же. Пока брился, безнадежность сменилась робкой надеждой.

— Сейчас всем тяжело, — ставя перед ним тарелку с яичницей, вздохнула подруга.

— Ты что, спятила! — оторопел Антон. — Зачем ты это говоришь! Какое мне дело до всех!

— Не сердись!

— Какое мне дело до всех! Мы с тобой можем остаться без денег! Понимаешь, мы с тобой!

Опять захотелось швырнуть что-нибудь в стену. Он с трудом сдержался, чтобы не разбить тарелку.

Фирма жила за счет сотрудничества с иностранными партнерами. Теперь от сотрудничества остались одни воспоминания.

— Антон, перестань! — неожиданно твердо попросила Варя. — Время трудное, но его нужно пережить. Нельзя впадать в отчаяние. Нельзя!

От неожиданности Антон промолчал. Он всегда терялся, когда встречал отпор.

— Будем посылать заявки на все тендеры.

— О господи! — Антон едва не застонал. — Тендеры выигрывают только свои! Кто-то с нами поделится?! Ты всерьез в это веришь?

— Если что-то делать, может получиться, может не получиться. Если ничего не делать, точно не получится.

— Хватит! — не выдержал Антон. — Дай мне пость спокойно!

Варя виновато тронула его запястье, он отдернул руку.

Подруга была права. Нужно мелькать, совать предложения фирмы везде, где можно.

Впрочем, он и без нее это понимал.

— У тебя телефон, — Варя расслышала звонок первой.

— Не глухой!

Он отодвинул тарелку, неохотно прошел в комнату, выдернул телефон из зарядки.

Звонила мать.

— Алло, — зло проворчал Антон. — Привет!

Обычно мать старалась по утрам ему не надоедать. Сама всю жизнь работала, знала, что по утрам минуты лишней не бывает.

— Лиза умерла, — тихо сказал голос в трубке. — Приезжай!

— Что? — не понял он. Действительно не понял.

— Лиза лежит в постели мертвая. Не забудь паспорт.

Мать отключилась, он сжал телефон в руке.

Подошла Варя, вопросительно на него посмотрела.

— Мама, — объяснил он. — Лиза умерла.

Варя схватила руку за щеку.

Хорошо, что он с ней сошелся. Она никогда не задавала лишних вопросов и, в общем-то, очень ему помогала.

Потом ему казалось, что день был бесконечным.

До квартиры бывшей жены он добрался быстро. Формально жена не была бывшей, они не оформили развод, но оба давно не считали себя связанными узами брака. То есть Антон не считал. А что думала Лиза, его не интересовало.

Он настолько привык считать себя холостым, что однажды чуть не ляпнул, что не женат. Об этом его спросил пару лет назад на банкете в Германии один из немецких партнеров. Подвыпивший бургер показывал фото жены и детей, Антон семейство похвалил.

Ему показать было некого. Жену он таковой не считал, а уroda-сына никому показывать было нельзя.

Мать успела вызвать и «Скорую», и полицию. Или для таких случаев существует единый номер, Антон не стал уточнять. Сел рядом с матерью на диван и односложно отвечал на вопросы.

Впрочем, их было немного. И мать, и он сказали, что никаких беспокойств Лизино здоровье не вызывало и ее смерть является полной неожиданностью.

Мать объяснила, что обнаружила Лизу, приехав к снохе пару часов назад.

Лиза лежала на диване в джинсах и черной водолазке. Мертвое лицо было обращено к спинке

дивана, и Антон радовался, что на него можно не смотреть.

Если бы не мать, Лиза могла пролежать так долго. Очень долго.

Антон не собирался ни звонить ей, ни, тем более, с ней встречаться.

Он давно мечтал вычеркнуть ее и из памяти, и из документов. Вычеркнуть из документов возможности не было, а вычеркнуть из памяти он старался.

Иногда это получалось, чаще нет.

То мать, то сестра начинали рассказывать, как идиоту Игорьку понравилась купленная машинка, или что-то еще, такое же бессмысленное и никому не нужное, и ему хотелось заткнуть уши. Он рывкал на сестру и мать, обе замолкали, но потом снова напоминали о самом большом несчастье в его жизни.

Удивительно, до рождения Игорька мать Лизу не любила. Вернее, не то чтобы совсем не любила, но и симпатии не испытывала. Не ссориться со снохой и не настраивать Антона против жены у нее ума хватало, но он отношение матери к Лизе чувствовал. Его это даже слегка забавляло.

А когда вместо ребенка они получили урода, мать стала для Лизы не то нянькой, не то домработницей, не то подружкой. Сама стала, ее никто об этом не просил.

Лизиного лица видно не было, но Антон радовался, когда двое мрачных мужиков унесли тело.

Больше жены в его жизни не было.

* * *

Телефон Власта достала, сев в машину. Просто так достала, вспомнив, что отключила звук перед тем, как начать прием больных. Звонков она не ждала, в будни Миша звонил по вечерам, немногие подружки — по выходным.

Непринятых вызовов было шесть, и все от мамы. Власта торопливо набрала ее номер.

— Что случилось, мам? — Она только теперь, услышав мамин голос, поняла, как сильно испугалась. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Умерла Лиза.

— Что? — оторопела Власта.

— Умерла Лиза. Мы с Антоном сейчас у нее. Приедешь?

— Конечно! Боже мой! Что случилось?.. Что с ней случилось?

— Приезжай! Мы тебя ждем.

В трубке шелкнуло. Власта посидела, тупо глядя на дверь клиники. Равнодушно заметила, что ступени крыльца покрыты снегом. Снег нужно считать, пациенты могут поскользнуться.

Впереди остановился серый джип, покрутился, освободил выезд с небольшой стоянки.

Власта тронула машину, влилась в поток.

Год назад она радовалась, что сумела устроиться в клинику. Миша собирался в полугодовую командировку, которую давно ждал, звал ее с собой, но уехать на полгода означало потерять работу, и Власта отказалась.

Тогда можно было приехать к мужу в любую минуту. После введения санкций все изменилось. Теперь в Европу ее никто не пустит.

Она еще летом сказала мужу, чтобы не возвращался.

Ничего катастрофического в стране не происходило, но Власта чувствовала, что возвращаться мужу не хочется.

— Что делать, Ластик? — тоскливо спросил Миша летом.

— Не приезжать! — твердо сказала Власта.

Ей тогда очень хотелось заплакать, но слез не было.

Светофор впереди замигал зеленым, Власте удалось проскочить. Ей везло, до дома Лизы она доехала быстро.

Пока Игорек был жив, она часто сюда приезжала. Иногда ей казалось, что ребенок ее узнает и даже радуется, иногда несчастный мальчик тетку совсем не замечал. Власте хотелось его приласкать, но в таких случаях Игорек начинал кричать, плакать, и она старалась к нему не прикасаться.

Все знали, что долго мальчик не проживет, но когда Лиза позвонила из больницы и хрипло сказала, что Игорька больше нет, Власта заплакала.

Она и потом плакала, стоя вместе с Лизой и мамой у маленького гробика. Мама и Лиза не плакали, а Власта давилась слезами, прижимая к лицу бумажный носовой платок.

Антон на похороны не пришел.

Пропуск во двор у Власты был, но она приткнула машину около шлагбаума. Поискала глазами автомобиль брата, не нашла.

Обитая дубом дверь открылась, едва лифт остановился на этаже, как будто Антон ее поджидал, стоя у двери.

— Заходи, — брат повернулся и молча пошел на кухню.

Власта помедлила. Обычно она переобувалась в тапочки. Пока Игорек был жив, Лиза поддерживала в квартире почти стерильную чистоту. Сейчас чистоты не было, на полу виднелись следы грязной обуви. Это неудивительно, сохранить обувь чистой при такой погоде невозможно.

Власта, не переобувшись, прошла вслед за братом.

— Черт... — брат стоял у окна. — Пойдемте в кафе, что ли. Не могу здесь находиться.

— Пойдемте, — согласилась мама, вставая из-за стола.

Кухонный стол был чист. Похоже, мама и брат ждали Власту здесь только потому, что находиться в комнатах было еще неприятнее.

— Что случилось с Лизой? — спросила Власта.

— Вскрытия еще не было, — мама пошла в прихожую.

— Допилась, что же еще! — пробурчал Антон. — Мама нашла ее утром. Мертвую.

Брат ушел из семьи, когда впервые прозвучал страшный диагноз.

Тогда ребенок еще походил на обычного, нормального.

— Новая люстра, — надев шубу, мама тоскливо задержала взгляд на недавно приобретенном Лизой светильнике.

Люстру Лиза повесила несколько дней назад. Один плафон от прежней разбился еще в прошлом году, и Власта долго уговаривала невестку привести прихожую в порядок. Уговорила. Приехав сюда в субботу, Власта с радостью заметила Лизино приобретение.

Это означало, что невестка начала проявлять интерес к жизни и от Власты больше не требуется постоянно за нее волноваться.

— Пойдем, — поторопил Антон.

Мама уже оделась, вышла на лифтовую площадку. Власта торопливо надела куртку.

Антон запер дверь, вызвал лифт.

— Лиза вчера собиралась ко мне приехать, — вздохнула Власта, глядя на аккуратную мамину стрижку.

Мама перестала красить волосы после смерти папы, но и с седыми волосами выглядела молодо.

— Я ей звонила вечером, она не ответила.

Мама и брат промолчали.

Антон повел их к расположенному в соседнем с Лизиним доме ресторану. Тот был неплохой, уютный. Пару месяцев назад Лиза и Власта здесь ужинали. Лиза ухитрилась опьянеть после пары рюмок, и Власта отвела ее домой, стыдясь прохожих.

— Черт... — посетовал брат, усадив маму и сестру за столик у стены. — Жаль, что за рулем. До чего же выпить хочется!

— Закажи мне вина, — удивила Власту мама.

В отличие от Лизы, мама пристрастием к выпивке никогда не отличалась.

Впрочем, давняя, счастливая Лиза этим тоже не отличалась.

Давняя Лиза была смешливой глупенькой блондинкой, смотрела на Антона влюбленными глазами и щебетала над Игорьком, еще не зная, что ребенок никогда не будет нормальным.

Впрочем, она и потом, зная диагноз, щебетала над сыном. Только тогда она уже не была смешливой.

Наверное, следовало говорить об умершей, но ужин прошел в молчании. Потом Власта, простившись с братом, отвезла маму и наконец-то отправилась домой. Приехала вовремя, Миша позвонил, когда она успела переодеться.

* * *

Время еле двигалось. Без четверти восемь Денис не выдержал, открыл бутылку коньяка. Обычно раньше восьми он пить не начинал, но сегодня был особый случай.

Коньяк приятно обжег гортань.

Бабушка перестала бы с ним разговаривать, если бы сейчас его видела. Слабость в семье считалась непростительной, пьянство недопустимым.

Денис тоже так считал до последнего времени.

Неожиданно захотелось узнать, что происходит в квартире рядом. Звукоизоляция в доме была отличная, соседи практически не слышали друг друга, но сейчас он об этом пожалел. Денис быстро по-

дошел к входной двери, прислушался. В подъезде стояла тишина.

Он вернулся на кухню, с рюмкой в руке подошел к окну.

Шел снег, ложился на ветви деревьев.

Желание позвонить в соседнюю квартиру стало почти нестерпимым. Хотелось сказать пожилой тетке и здоровенному мужику, которых он видел, когда подписывал протокол, что их родственница или кто она там им, не могла умереть от естественных причин. Он вчера утром с ней разговаривал, и она не походила на умирающую. Он врач, он в таких делах разбирается.

Как считает полиция, Денис не понял. Молодой полицейский позвонил в дверь, едва Денис успел побриться. В последнее время он привык поздно вставать. Спешить ему было некуда.

Денис послушно прошел в соседскую квартиру, посмотрел на лежащую на диване Лизу. Потом старался смотреть только себе под ноги и еле дождался, когда можно будет поставить подпись под коряво написанными строчками.

Тетка сидела на стуле, прямо держа спину. Мужик стоял у окна.

Денису было любопытно, кем приходится Лизе мужчина. Ни о брате, ни о муже Лиза никогда не говорила.

Тетку он до этого несколько раз видел. Однажды помог ей вывезти коляску с Игорьком из подъезда — еще при жизни бабушки, он тогда не был инвалидом. Наверное, женщина была няней.

Впрочем, зачем няне приезжать, если ребенка больше нет, непонятно.

О том, что женщина первой обнаружила тело, он узнал из разговора полицейских.

Денис допил коньяк, снова наполнил рюмку.

Полтора месяца назад Лиза сказала, что родных у нее нет. Вернее, она сказала, что одна на всем свете и никому не нужна. Но люди иногда ощущают себя одинокими, не только когда нет родственников, но и когда те есть, только такие, что лучше бы их совсем не было.

К тому же она тогда была пьяна, и к ее словам нельзя относиться с полным доверием.

Денис тогда не стал уточнять. Соседка мало его интересовала.

Сейчас он неожиданно об этом пожалел.

Вчера он увидел Лизу у лифта, когда утром пошел выбрасывать мусор.

— Я тебе звонила вчера, — улыбнулась она Денису. — Хотела, чтобы ты мне кое-что распечатал.

Вчера Денис долго сидел в ресторане, до самого закрытия.

— Сейчас могу распечатать.

— Уже не надо. — Лиза вошла в подошедший лифт. — Заходи в гости, я тебе расскажу кое-что интересное.

Двери лифта закрылись, Денис пошел к мусоропроводу.

Впервые он заговорил с ней пару месяцев назад. Поднимался вечером вместе с ней в лифте и заметил, что она пьяна.

В тот день шел дождь. Он помнил, что куртка на ней была мокрая.

— Где ребенок? — спросил тогда Денис.

— На кладбище. — Она прищурила один глаз.

Выходя из лифта, она пошатнулась, он ухватил ее за руку.

Глаза у нее были такие несчастные, что он неожиданно предложил:

— Приходите ко мне, когда будет совсем то-скливо.

Он не ожидал, что она придет. Она не приходила, и он о ней не вспоминал.

Он по вечерам пил коньяк, а днем бродил по городу, дожидаясь вечера. Говорил себе, что нужно начинать жить и работать, и понимал, что не начнет делать ни того, ни другого.

То, что с ним происходило, жизнью назвать было нельзя.

Прошло несколько дней, и он снова вечером ехал с ней в лифте, и опять заметил, что она пьяна.

Только в этот раз он, взяв ее за локоть, когда лифт остановился, подвел не к ее двери, а к своей.

— Заходи, — пригласил он, отперев квартиру.

Она помялась и вошла. Выпила чаю, рассказала, как в ковид заказывала для бабушки продукты. Ненавязчиво рассказала, просто чтобы не молчать.

Пожалуй, это был первый случай после ранения, когда собеседник, как ни странно, не вызывал у Дениса скуку. То есть собеседница.

Через несколько дней он сам позвонил ей в дверь и пил чай у нее. Потом визиты пару раз в неделю вошли в привычку. Напиваться он ей не

позволял, рыдать тоже не давал. Эти визиты ничего не значили ни для него, ни для нее, разве что позволяли убить время.

Сейчас он неожиданно почувствовал, что без Лизы стало совсем пусто.

Денис допил коньяк, поднял бутылку, подержал над рюмкой и решительно убрал на полку. Сполоснул рюмку, сунул в сушилку, снова подошел к окну.

В том, что она умерла от внезапной болезни, он сильно сомневался.

Скорее могла покончить жизнь самоубийством. Напиться какого-нибудь снотворного и заснуть. Судя по ее настроению, она об этом мечтала.

Но в таком случае наверняка оставила бы записку. Вроде бы самоубийцы всегда так делают, особенно женщины.

Записки, насколько он понял, полицейские не нашли.

Опять захотелось коньяку, но он заставил себя не притронуться к бутылке. Сел в кресло в бывшей бабушкиной комнате и принялся просматривать единственное, что его еще интересовало: новости с фронта.

1 февраля, среда

Из полиции Антон вышел совершенно обессиленным. В том, что менты начнут его донимать, он не сомневался. Только идиот мог допустить, что у молодой женщины внезапно отказало сердце или что-нибудь еще. Такое бывает, конечно, но уж очень редко. Либо Лизка сама напилась какой-нибудь дря-

ни, либо ей помогли, это еще вчера было ясно. Антона бесило, что и мать, и сестра вчера никаких предположений не высказывали, как будто хоронить предстояло столетнюю бабку, естественно скончавшуюся от старости, как и положено в ее возрасте.

Пока ждали Власту, он осторожно спросил у матери:

— Как ты думаешь, от чего она умерла?

Мать пожала плечами.

— Вскрытие покажет.

Что показало вскрытие, полицейский сказал утром, позвонив, когда Антон и Варя собирались на работу. Антон сам вызвался приехать в полицию. Мог и не приезжать, помочь следствию он ничем не мог. Он не видел бывшую жену уже года три. Или даже больше.

Он еще вчера не стал этого скрывать, хотя его об этом не спрашивали.

Разговор получился пустой и бестолковый. Впрочем, похоже, задававший вопросы средних лет полицейский больших надежд на беседу с Антоном не возлагал.

Машину удалось приткнуть лишь в квартале от полицейского отделения. Сев за руль, Антон посмотрел на часы. Ехать на работу смысла уже не было. Он достал телефон, хотел позвонить матери, но набрал сестру. Она не ответила.

Вчера Власта упомянула, что эту неделю работает по утрам. Они обсуждали похороны, и она попросила назначить их на выходные.

Антону было все равно, матери тоже.

Больше хоронить Лизу было некому.

Надо было сказать Варе, чтобы не ждала его, ехала домой, и самому отправиться туда же и постараться провести спокойный вечер, но он не позвонил подруге. Бросил телефон на соседнее сиденье и поехал к сестре в клинику.

Летом Власта заставила его пройти полное обследование. Антон для виду посопротивлялся и дал себя уговорить. У него всегда получалось заставлять сестру и мать уговаривать его на то, что ему самому хотелось сделать. Конечно, обследоваться раз в год нужно, черт его знает, какие болезни могут незаметно подкрасться.

Успел он вовремя, прием у сестры заканчивался.

— К доктору Золотаревой, — бросил Антон сидящей на ресепшене дуре и, не дав себя остановить, быстро пошел по коридору.

Он просидел у кабинета всего пару минут. Дверь открылась, выпустила седого мужика лет шестидесяти. Удалялся дед, держа спину прямой, будто аршин проглотил.

Антон неприязненно посмотрел ему вслед и открыл дверь кабинета.

Власта, стоя в углу, снимала халат.

— Можно, доктор? — фыркнул Антон и уселся на стоящий около стола стул для пациентов.

Сестра молча села за стол.

Антон терпеливо ждал, когда она заговорит. Пусть сама задает вопросы, а он будет нехотя отвечать. Не признаваться же, что ему внезапно захотелось ее поддержки.

— Пришли результаты вскрытия?

— Пришли, — кивнул он.

— И... что?

— Передозировка снотворного.

— Какое снотворное?

Антон достал из кармана телефон, прочитал название.

— Ты ей это выписывала?

— Нет. — Власта широко открыла глаза. Отвернулась, потерла виски. — Боже мой...

— А ты полагала, она просто так скончалась? От тоски?

— Антон, перестань!

— Дома вроде бы никаких подозрительных таблеток не было. Менты там все перерыли, мусор в ведре просмотрели. Таблетки были растворены в чае.

— Вино в квартире было? — быстро спросила Власта.

— Не было, — он усмехнулся. — Вино у алкоголиков не задерживается.

— Она не была алкоголичкой!

— Тебе видней! Я с ней давно не общался.

Лиза, которую он помнил, не была алкоголичкой. Она была клинической дурой!

Она испортила жизнь всем. Ему, тестю с тещей.

Тесть умер через год после того, как выяснилось, что у него внук урод. Теща пережила его на год, кажется. Антон точно не помнил, тесть и теща его к тому времени не интересовали.

Все могло быть по-другому.

Нужно было только отдать урода в приют и навсегда о нем забыть. Приют можно было выбрать

хороший, денег на это у Антона хватало, у тестя тем более.

— Почему ты спросила про вино? Снотворное нельзя мешать со спиртным?

— Да, — Власта вздохнула. — Мама знает?

— Я ей не говорил. Позвони сама, — Антон поднялся. Помедлил. — У тебя есть какие-нибудь... догадки?

Сестра молча покачала головой.

Зря он сюда приехал, то же самое можно было сказать по телефону. Домой пришлось пробираться через пробки.

* * *

Власта вышла из кабинета вслед за братом, заперла дверь. В коридоре Антона уже не было. Как и его машины около клиники.

Надо было жалеть Лизу, а она почему-то жалела Антона. Брат и до вчерашнего дня был издерганным и несчастным, боясь туманного будущего. А теперь еще история с Лизой...

Машин было немного, но поток шел медленно. Грязный мокрый асфальт, серые дома по обе стороны дороги, голые деревья портили и без того не радужное настроение.

Посмотрю какую-нибудь комедию, решила Власта, перестраиваясь в правый ряд. Нельзя поддаваться унынию, можно стать такой, как Лиза.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала Лиза позавчера утром.

— Я тороплюсь, — недовольно оборвала ее Власта. — Опаздываю на работу.

Звонок невестки был некстати, Лиза ее задерживала.

— Тогда я приеду вечером.

— Приезжай, — с тоской согласилась Власта.

Она уставала от Лизы. Та была ей не нужна.

Лиза никому не была нужна.

Неожиданно Власта почувствовала, что не успокоится, пока не узнает, что хотела показать Лиза.

Нет, даже не так. Она не успокоится, пока не поймет, что заставило Лизу выпить снотворного и уйти навсегда.

До поворота оставалось метров двадцать. Власта торопливо снова перестроилась в левый ряд.

Невестка плохо разбиралась в медицинских препаратах. Иногда Власту раздражало, что Лиза путает названия лекарств и забывает их назначение. Когда Лиза простужалась, приходилось по сорок раз повторять, какие таблетки следует принимать до еды, какие после.

Ничем тяжелее простуды Лиза не болела. Она не могла позволить себе болеть, у нее был Игорек.

У левого поворота пришлось постоять. Власта нетерпеливо сжимала руль, пока машина впереди наконец не сдвинулась с места.

Как Лиза смогла подобрать дозу, чтобы уйти надежно и безболезненно?

Откуда у нее вообще взялось снотворное, которое отпускается строго по рецепту?

Въезжать во двор Власта опять не стала, приткнула машину у тротуара. Хорошо, что у нее есть ключи от Лизиной квартиры. Их она стала носить в сумке после того, как Лиза сутки не отвечала на

звонки. Тогда Власта вместе с мамой открыли дверь в квартиру. Пьяная Лиза спала на полу.

Вспоминать это было противно даже сейчас.

Власта вошла в подъезд. Мужчина лет сорока, стоя в открытом лифте, придержал дверь, не дав ей закрыться. Власта поблагодарила.

Как ни странно, мужчина поднимался на Лизин этаж. Насколько Власта помнила, Лизиной соседкой была какая-то старушка. Еще одна квартира давно пустовала.

Мужик с удивлением на нее посмотрел, когда она подошла к Лизиной двери. Сжав в руке ключи, он остановился у соседней квартиры, в которой должна была находиться старушка.

Власта полезла в сумку, достала ключи. Мужчина продолжал молча на нее смотреть.

Власта сунула ключ в замочную скважину.

— Вы знаете, что вчера произошло в этой квартире?

— Знаю, — не повернулась Власта к мужчине.

— Кто вы Елизавете?

Власте не нравилось отвечать на вопросы незнакомых мужиков. Она к этому не привыкла.

— Я вас видел, вы приходили к Лизе.

Негромкий голос прозвучал прямо над ухом. Мужик умел двигаться бесшумно, она не заметила, как он успел оказаться рядом.

Власта отперла дверь.

Слава богу, он не попытался войти вслед за ней.

— Она жена моего брата, — вздохнула Власта. — А вы кто?

— Сосед. Я здесь живу уже несколько месяцев. Меня зовут Денис.

— Власта, — зачем-то представилась Власта.

— Результаты вскрытия уже известны?

— Известны, — держась за дверь, доложила Власта и зачем-то назвала препарат, который отнял у Лизы жизнь.

Мужчина задумчиво кивнул.

— Знаете такое лекарство?

— Знаю, — подтвердил он.

— Откуда? — зло уточнила Власта. — Вам его выписывали?

— Нет.

Надо было захлопнуть дверь, но она почему-то медлила.

— Я был немного знаком с Лизой. Она не походила на желающую умереть.

Странный у него был взгляд. Он как будто пытался разглядеть что-то внутри Власты.

— Лиза могла превысить дозу по ошибке.

— Вы в это верите?

— Не очень, — честно признала Власта.

— Вот и я не верю. Запишите мой телефон, — неожиданно предложил он.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Если мне захочется с вами поговорить, я позвоню вам в квартиру, — зло усмехнулась Власта. — Не возражаете?

— Как угодно. До свидания.

Она сейчас походила на Антона. Брат тоже иногда начинал упираться на пустом месте. Телефон соседа не помешает, если она хочет понять, что произошло с Лизой.

Сосед повернулся и шагнул в сторону. Поворачивался он странно, неестественно, всем телом.

Власта захлопнула дверь. Опять помялась у двери, решая, не переобуться ли в тапочки, и опять, не переобуваясь, пошла по коридору, оставляя мокрые следы.

В квартире был беспорядок, сдвинутые книги на полках, неровная стопка рисунков в детской. Это было объяснимо, вчера здесь работала полиция.

На полу разбросаны цветные кубики. Игорек мог раскладывать кубики часами, расставляя их одному ему понятным образом. Если кто-то случайно сдвигал кубик, мальчик начинал кричать, биться, его с трудом удавалось успокоить.

Он жил в своем мире. Власта пыталась проникнуть в этот мир, но ей не удалось.

Это даже Лизе не удалось.

Захотелось аккуратнее уложить стопку рисунков, но Власта не вошла в детскую.

Что Лиза хотела показать?..

Она знала, по утрам Власта торопится. Почему не позвонила вечером? Показать надо было что-то очень важное?

Ничего важного у нее не могло быть. Она никуда не ходила, кроме кладбища и винного магазина. Власта уговаривала ее начать работать, но Лиза тоннула в своем горе и не хотела выплывать.

Постояв около двери в детскую, Власта заглянула в другую комнату. Когда-то та была чем-то вроде кабинета Антона. Кабинет брату был не нужен, он не работал дома. Он скрывался здесь от жены и ребенка, когда тот появился. Тогда еще никто не знал, что у ребенка возникнут особенности развития.

Зачем Антон женился, было понятно: Лизин папа обеспечил ему отличные связи.

Антон делал вид, что влюблен в Лизу, но обмануть мог кого угодно, кроме Власты и мамы.

Зачем Лиза, на свою беду, за него выскочила, Власта не понимала. Она даже пыталась намекать подруге, чтобы та поаккуратнее относилась к своему новому поклоннику.

— У него каждый месяц новая баба, — честно говорила молоденькая Власта.

Молоденькая Лиза не хотела ничего слушать.

Власта быстро прошла в другую комнату. Стараясь не смотреть на диван, на котором вчера лежала Лиза, открыла нижнюю тумбочку книжной стенки. Книг там было немного, в основном полки занимали глиняные статуэтки. Их Лиза делала еще до рождения Игорька.

В субботу утром Лиза положила в тумбочку пачку наличных.

Власта приехала к ней утром, собираясь вытащить невестку на выставку картин из частных коллекций. Лиза же собиралась на кладбище к Игорьку и ехать на выставку отказалась.

Лиза ездила на кладбище постоянно, каждую неделю. Иногда Власта сопровождала ее, а чаще безуспешно пыталась от частых поездок Лизу отговорить.

Лиза спешила, понятливая Власта пробыла у невестки не больше нескольких минут, но лежавшую на столе пачку денег заметила.

— Зачем тебе столько наличных? — удивилась тогда Власта.